

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.014

УДК 908:94 (571.1) «19»

ББК 63.3(28–8Тоб)6

О.А. МИЛЕВСКИЙ

**РЕКА ВАХ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПОЛЕ
ТОБОЛЬСКИХ КРАЕВЕДОВ НАЧАЛА ХХ В.**

O.A. MILEVSKY

**THE VAKH RIVER IN THE RESEARCH FIELD
OF TOBOLSK LOCAL HISTORIANS
OF THE EARLY XX CENTURY**

В статье рассматривается деятельность краеведов Тобольской губернии, в первую очередь Г.М. Дмитриева-Садовникова, по изучению реки Вах и ее окрестностей, проводимая ими в 1910–1913 гг. Анализируются научные результаты экспедиции 1913 г. под руководством Б.Н. Городкова, организованной тобольским музеем при поддержке столичных научных учреждений — Академии наук и Санкт-Петербургского Ботанического сада с целью изучения реки Вах, ее крупных притоков, а также прилегающих к ней территорий. Делается вывод о том, что именно местные исследователи-краеведы сыграли решающую роль в научном «открытии» реки Вах.

The article deals with the activities of local historians of Tobolsk province, first of all G.M. Dmitriev-Sadovnikov, on the study of the Vakh River and its environs, conducted by them in 1910–1913. The scientific results of the 1913 expedition led by B.N. Gorodkov, organized by the Tobolsk Museum with the support of metropolitan scientific institutions — the Academy of Sciences and the St. Petersburg Botanical Garden — to study the Vakh River, its major tributaries, as well as adjacent territories are analyzed. It is concluded that it was local researchers and local historians who played a decisive role in the scientific «discovery» of the Vakh River.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Тобольская губерния, Ларьяк, река Вах, река Сабун, Тобольский губернский музей, остьяки, география, краеведение.

KEY WORDS. Tobolsk province, Laryak, Vakh river, Sabun river, Tobolsk province museum, Ostyaks, geography, local lore.

ВВЕДЕНИЕ. Последняя треть XIX — начало XX вв. в Российской империи было временем повышенного интереса к изучению ее северных регионов. Здесь совпало все: и запрос государства на прокладывание новых стратегических транспортных коммуникаций, включая Северный морской путь, и интерес сибирских торгово-промышленных кругов к созданию логистически максимально привлекательных маршрутов. Вспомним, что именно в это время иностранные мореплаватели, а затем и сибирские купцы уже пытались совершать перевозки коммерческих грузов по северным морям [8, с. 51], хотя это и таило в себе большой риск.

Предпринимались и попытки использования больших сибирских рек как транспортных артерий, связывающих различные районы Российского Севера. Например, в конце XIX столетия начали строить Обь-Енисейский канал, главное его предназначение — это установление сплошного водного пути от Урала до Китайской границы. Но даже при патронаже российского правительства это дело оказалось малоуспешным. Работы превратились в долгострой, а в результате канал оказался «пригодным только для мелководных судов» и в конце концов эту идею забросили [8, с. 53].

Попытки «открытия» Севера Западной Сибири, как с экономической, так и с научной точки зрения, будили интерес местных энтузиастов-краеведов к исследованию тех территорий, на которых они проживали. Делалось это преимущественно при поддержке регио-

нальных отделений ИРГО и музеев, которые начинают возникать в Сибири с начала 1870-х гг. Обский Север здесь не исключение. Интерес к его изучению формировался, если так можно выразиться, двояким способом — с одной стороны, как чисто коммерческий, главные интересанты — представители крупного торгового капитала, те же купцы Сибиряковы, Корниловы, Плотниковы и проч. С другой — научно-исследовательский — это направление представляли структуры ЗСОИРГО, Томский Императорский университет, Тобольский музей и аффилированные с ним лица, включая политических ссыльных.

Особое внимание научных структур вызывали огромные и практически не исследованные районы Обского Севера, по территории которого протекало огромное число больших и малых рек, включая красавицу Обь. Вместе они составляли то, что сейчас географы именуют Обь-Иртышским водным бассейном. Этот огромный водный ареал является третьим по величине в Азии, после Янцзы и Хуанхэ, включая в свой состав 5339 рек и речушек общей протяженностью 222 709 километров. В число крупных рек Обь-Иртышского бассейна входит и река Вах, правый приток Оби протяженностью в 964 км и площадью водосбора 76 700 кв. км [9, с. 144]. Эта река, по берегам которой жили остяки (ханты), также оставалась «terra incognita» для российских ученых вплоть до начала XX в. До этого в научном плане внимание этому краю уделяли только финские исследователи-угроведы У.Т. Сирелиус (1899–1900 гг.) и К.Ф. Карьялайнен (1899–1902 гг.) [8, с. 61].

ЦЕЛЬЮ статьи является реконструкция истории изучения реки Вах сотрудниками Тобольского губернского музея в начале 1900-х гг. и анализ их научного наследия.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве источниковой базы выступают статьи и сообщения о реке Вах, а также о проживающих по ее берегам остяках и их культуре, опубликованные на страницах «Ежегодника Тобольского губернского музея» и «Сибирского листка». Огромное значение при восстановлении истории научного «открытия» этой реки сыграл дневник Г.М. Дмитриева-Садовникова об экспедиции на Вах 1913 г. [3, с. 105–141], найденный в фондах Тобольского музея в 1997 г. благодаря усилиям научного секретаря Л.В. Шестаковой и краеведа В.К. Белобородова [7, с. 313].

Основным методом, используемым в работе, является сравнительно-исторический, при помощи которого анализировались имеющиеся в наличии и написанные в разное время краеведческие материалы и историко-типологический — его применение способствовало выделению единых типологических черт при анализе рассматриваемых явлений и их последующей систематизации по сходным признакам.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Изучение реки Вах и территорий, к ней прилегающих, в первую очередь связано с подвижнической деятельностью Григория Матвеевича Дмитриева-Садовникова, занимавшего место преподавателя в Ларьякском сельском начальном училище с 1904 по 1913 гг. Именно он первым из российских исследователей всерьез обратил внимание на этот регион Обского Севера. Для Г.М. Дмитриева-Садовникова все началось в 1904 г., когда он, выходец из Тобольска, окончивший там уездное училище, в возрасте 19 лет получил место учителя в местечке Ларьяк. Село со смешанным остякороусским населением располагалось на берегу реки Вах. Молодой человек не растерялся перед трудностями жизни в удаленном селении, с головой погрузившись в педагогическую и краеведческую работу. В результате он стал не только «пионером просвещения остяков» [6, с. 413], но и занялся изучением края, где жил и работал.

Судя по дошедшим до нас его письмам к консерватору Тобольского губернского музея В.Н. Пигнатти, он уже в первые годы пребывания в Ларьяке установил контакты с Николаевской физической лабораторией, куда посылал информацию о разливах реки [3, с. 12]. Пользуясь большим авторитетом и доверием коренного населения этих мест — остяков [6, с. 413], молодой учитель много внимания уделял изучению жизни и быта ваховских хантов. Его этнографические увлечения шли рука об руку с наблюдениями за рекой и природой этих мест, свидетельство чему дошедшие до нас статьи и очерки Г.М. Дмитриева-Садовникова.

В 1909 г. появляются его первые корреспонденции в «Сибирском листке», а в 1910 г. он устанавливает тесные отношения с губернским музеем. Произошло это по инициативе В.Н. Пигнатти. В.Н. Пигнатти, заинтересованный в расширении внештатных член-корреспондентов музея, сам обратился к ларьякскому учителю с предложением о сотрудничестве. Ответ Г.М. Дмитриева-Садовникова не заставил себя ждать: «На лето будущего года я остаюсь в Ларьяке для сбора гербария и насекомых, и если Вам что-нибудь нужно, то пишите... К Рождеству пришлю Вам несколько описаний быта остяков, словарь с краткой грамматикой и небольшое количество фотографических снимков» [7, с. 310]. Таким образом, деловые отношения с музеем сложились, и началась научная деятельность Г.М. Дмитриева-Садовникова.

Уже в следующем году в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» появляется первая публикация из Ларьяка под говорящим названием «С реки Вах Сургутского уезда». Этот очерк носил ярко выраженный описательный характер. В нем автор, помимо общих сведений о реке — ее истоки, расстояние до места впадения в Обь, ширину в верхнем и нижнем течении [5, с. 1], рекостав и сроки открытия реки ото льда [4, с. 2] — давал и описание ее берегов, отмечая, что «течет река Вах среди материков (так называли возвышенности, состоящие из песка и глины покрытые хвойными и смешанными лесами), которые то сходятся и сжимают его, то расходятся верст на 40–50, образуя низменные пространства, прорезанные множеством протоков и речек и усеянные кедровыми островами, сорами (мелководные озера) и болотами» [5, с. 1]. Причем автор писал со знанием дела, он хорошо изучил реку и ее окрестности по всему ее течению. Свидетельство тому его указания на смену ландшафтов разных частей реки, так в нижнем течении кедровые и сосновые острова уступают место тальниковым, осиновым и березовым [5, с. 1].

Характеризуя породы рыб, имеющиеся в Вахе, наблюдательный исследователь фиксировал их немногочисленность и фактическое отсутствие первосортной промысловой рыбы. В реке в обилии водилась только щука, окунь, ерш, чебак (мохтик), пескарь, вьюн, язь налим и небольшое количество нельмы [5, с. 2]. Что касается фауны этих мест, то Г.М. Дмитриев-Садовников фиксировал небольшое наличие крупного зверя: медведь большей частью проходной, малое число лося и оленя, а из пушного зверя немного лис, россомах, песца, основным зверем для промысла являлась белка. Охотничья дичь по его наблюдениям была представлена глухарями, косачами, рябчиками и куропатками, число певчих птиц тоже невелико [5, с. 3]. Казалось бы, самая общая и непритязательная информация, но не стоит забывать, что до этого каких-либо объективных сведений о реке и приречных районах практически не имелось. Поэтому неудивительно, что этот очерк по достоинству оценили представителями университетской науки. Так, зоолог из Томского университета С.М. Чугунов в своей статье «Млекопитающие и птицы Сургутского уезда, собранные летом 1913 года» не раз ссылался на него [7, с. 311], а в другой статье он же отмечал, что «многие наблюдения г. Садовникова часто представляют немалый интерес» [7, с. 311].

По берегам Ваха и его притоков проживали остяки (ханты), они, как уже указывалось, помимо географического, составляли постоянный научный интерес ларьякского учителя, успешного за время работы в школе хорошо узнать этих людей. Всего в тех местах их проживало 2170 человек [5, с. 4]. В выше приводимом очерке много места отведено бытосанию жизни остяков. От пищевых пристрастий до особенностей охоты и рыбной ловли. Содержалась в нем также информация о ярмарках, брачном обряде (калым, сватанье и т.д.), обычаях в воспитании детей, традиционных верованиях и культах и т.п. Дал М.Г. Дмитриев-Садовников и антропологическое описание ваховского остяка — среднего роста, круглая голова, выдающиеся скулы, приплюснутые носы, темные волосы, малая растительность на лице. Отмечалось также их слабое физическое строение, этим объяснялась их подверженность болезням [5, с. 5].

При этом Г.М. Дмитриев-Садовников зарекомендовал себя очень пытливым наблюдателем за необычными природными явлениями. Так, изучая технику ловли рыбы у коренных

жителей, он обратил внимание на такой речной феномен, как замор, и на то, как ханты использовали это природное явление для поимки рыбы на зиму. Острый глаз краеведа отметил, что обычно заморы возникали в начале ноября, признаками их служила «съеденная и выброшенная назад щукою рыба» [5, с. 11].

Живописал он и процесс рыбной ловли с использованием «замора» — «живой» и «мертвой» водой. С помощью «мертвой воды» (вода в которой рыба не могла дышать) из протоки остяки загоняли рыбу к тем местам, где искусственно приостанавливалось на несколько часов течение и сохранялась «живая вода» (вода, впадающая в протоку из незамерзающих речушек) рыба устремлялась в эти места и там ее в огромных количествах ловили мордами [5, с. 12].

В дальнейшем он не оставлял без внимания явление «замора», старясь расширить свои знания о нем, дать ему научное объяснение. Он так писал его происхождение: «Воды реки Ваха — ржавые болотные, и на них, за исключением верховья, с половины ноября месяца (среднее время) и до весны бывает замор, т.е. вода становится негодною для жизни рыбы. Замор начинается с мелких стоячих вод среднего течения, курей и «спертых» приблудей осенней водою устьев живых с тихим течением речек. Скатывающаяся «мертвая» вода «глушит» небольшие притоки реки: на них наступает замор; за притоками замор распространяется вниз по течению и «глушит» всю реку. По сбывче осенней воды устья коротких живых речек оживают от притока живой воды с близкого верховья. Время замора реки зависит от температуры воздуха и связанных с нею водно-химических реакций: при холодной погоде мороз крепко, «наглухо» сковывает реку, и вскоре после стоячих вод замор начинается и на ней; при теплой погоде замор бывает через несколько недель и наступает как-то неприметно. Остяки реки Ваха знакомы с условиями образования замора и не преминули воспользоваться им для ловли рыбы, устраивая искусственные заморы» [3, с. 146].

Следует отметить, что фактически своими публикациями 1910-1913 гг. Г.М. Дмитриев-Садовников «открыл» ваховских остяков для российской научной общественности, многое сделал для их этнографического изучения. В своих статьях, помещенных в разные годы в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» и «Сибирском листке», он дал детальное описание остяцкого обласа (национальное остяцкое судно — О.М.) [3], изложил способы изготовления лука и охоты с ним [3, с. 60-78], а также очень подробно изучил использование бересты и ее роль в хозяйственной жизни хантов [3, с. 89-97]. Помимо этого, он проявил себя как деятельный собиратель хантыйского фольклора. Жемчужина его коллекции — это очерк «Богатырь реки Сабуна, правого притока реки Вах» [1].

Г.М. Дмитриев-Садовников, наблюдая за жизнью остяков, обращал внимание на сильное русское влияние, меняющие традиционный уклад их жизни, в частности у них появились русские избы с застекленными окнами и печами, иконы, преимущественно Святого Николая, ружья, котлы, чайники, одежда русского покроя и даже самовары [5, с. 4]. Отмечалось им и негативное воздействие цивилизации на этот народ: «Ваховские остяки первых юрт от Оби, где в с. Александрове есть винная лавка, начинают спиваться поголовно. Воровство, ругань, сифилис, чего не было здесь ранее, теперь — обыкновенное явление» [5, с. 5].

Столкновение с цивилизацией со всеми ее плюсами и минусами, неминуемо сказывается на жизни любого реликтового этноса и ваховские остяки не являлись исключением. В целом расширение подобных контактов и культурных заимствований, носило объективный характер, хотя подчас таило в себе негативные явления, связанные с появлением новых опасностей для аборигенов этих мест. Г.М. Дмитриев-Садовников понимал это. В одной из своих статей за 1913 г. он отмечал, что «инородцы реки Ваха, остяки начинают, хотя и не особенно заметно вымирать, и вымирание это началось с недавних 4-7 лет» [3, с. 100]. Однако надо признать, что прекрасно знакомый с местными хантами и их образом жизни исследователь вполне объективно смотрел на складывающуюся ситуацию и не ставил это в вину местной администрации.

Главную причину повышенной смертности остяков он усматривал не в экономических условиях их жизни, а в объективных процессах, в частности, появлении у них новых болезней:

оспа, чахотка, сифилис [3, с. 101]. Другой причиной оставалось, конечно, пьянство и его побочные проявления — драки, убийства. На этот негативный фактор он с горечью указывал в одной из заметок (1911 г.), отмечая, что «к числу новых явлений нужно отнести и неоднократные убийства между ваховскими осятками, происходящие во время пьянства» [3, с. 148].

Однако анализируя этот социальный недуг, пагубно отражающейся на жизни инородцев, он отмечал, что власти бессильны в этом отношении, они не имеют каких-либо серьезных рычагов воздействия на нарушителей порядка и вынуждены терпеть самые негативные проявления у осятков этой пагубной привычки. Вот описание им жизни в Ларьке после начала навигации (1913 г.): «С приходом пароходов, как только повеяло винным запахом, начинают проявлять себя хулиганы. По обыкновению, в Ларьяке в таких случаях пьяные свободно разгуливают по селу и «дебоширят»... Недавно один из инородцев, высланный за дебоширства с устья реки Ваха, затем с реки Оби и поселившийся здесь, пьяный ходил по берегам и ругал встречных...встретивши станового пристава, при народе принялся ругать его отборной бранью. Посаженный на время в амбар («каталажка» еще не выстроена), вылез оттуда, бегал со стягом... и в конце концов принялся палить из ружья. Призванный назавтра в инородную управу, говорил, что ничего не помнит» [3, с. 157-158]. И разбирательство этого дела, как и многих подобных, ничем не закончилось, нарушители фактически остались безнаказанными.

Как уже указывалось, его этнографические увлечения шли рука об руку с его интересом к географическому изучению региона, к тому же ими живо заинтересовался тобольский музей. В одном из своих писем (31 мая 1911 г.) он сообщал в В.Н. Пигнатти: «Посылаю Вам в двух небольших ящиках почвы. Взятые из долины Ваховского материка и с вершины (растет смешанный березовый, осиновый и сосновый лес), две бутылки «живой» и «мертвой» воды модель «перевеса» [7, с. 311]. Очевидно, что присылка воды двух видов предназначалась для ее анализа с целью научного изучения явления «замора».

Из его ноябрьского письма за этот же год (2 ноября 1911 г.) можно узнать, о его летних изысканиях: «Нынешним летом собирал гербарий. Собрал более 100 видов (более 300 экземпляров, по 3 на каждый вид)... Если музей желает, могу написать до 10 небольших характерных осятских сказок, которые Вы может издать в свою пользу... Собираю осятский словарь, который вместе с грамматикой ваховского языка привезу весной. Словарь порядочный» [3, с. 12].

Летом 1912 г. на средства, полученные от музея, он совершил поездку с проводником к одному из культовых мест осятков — шаманской избушки с целью ее фотографирования [4, с. 1]. И что очень важно отметить, проводимые им в этой поездке наблюдения привели к интересным открытиям, которые могут сегодня серьезно помочь археологам. Так, он записал рассказ старика-ханта из Ларьятских юрт о том, что «пришедши сюда с верховьев Обского егана» осятки нашли здесь «остатки какого-то народа, но не самоедов» [4, с. 12]. И далее пытливый краевед установил, что: «На одной из сопки окружающего озера (Большое Ларьятское озеро) материка, по рассказам, и сейчас еще есть поросшие лесом остатки земляных укреплений бывшего их города» [4, с. 12]. Помимо этого, Г.М. Дмитриев-Садовников привел в этом очерке географическое описание Ларьятского озера, с указанием растительности его берегов, примерной глубины, топкости дна, наличия дичи и т.д. [4, с. 1]. В этом же 1912 г. музей приобрел у него гербарий, собранный в долине Ваха и получил 80 фотографий [7, с. 312].

И все же наиболее плодотворным в исследованиях Ваха и его окрестностей оказался 1913 г. Именно тогда, благодаря подвижнической деятельности Г.М. Дмитриева-Садовникова, сумевшего привлечь внимание научной общественности к этому району, принимается решение о проведении в нем уже настоящей научной экспедиции. Сам же неутомимый краевед не прекращал наблюдений за природой этих мест, причем делал это по свершено разным направлениям. Так, в одной из своих весенних корреспонденций в «Сибирском листке» он поделился ценными орнитологическими наблюдениями за прилетом птиц в 1913 г.,

приведя следующие данные: «Прилет птиц: лебеди — конец марта, снегирь — 30 марта, галка — 9 апреля, утки — 16 апреля, скворец — 20 апреля, мартын — 20 апреля, певчие летние птички — 22 апреля, стрижи — 14 мая» [3, с. 158].

Экспедиция 1913 г. была организована силами Тобольского музея при поддержке столичных научных учреждений — Академии наук и Санкт-Петербургского Ботанического сада [8, с. 58], а руководил ею Б.Н. Городков, уже имевший опыт подобных исследований на реке Конде в 1910 г. Главной ее целью заявлялись ботанико-географические и почвенные исследования. Экскурсионный маршрут предполагал движение вверх по Ваху до его притока Куль-егена, далее по этому притоку планировали продвинуться до Лохкэн-тугских озер, а уже с них совершить пешеходный переход на реку Ерган-еган, спуститься по нему до реки Сабун и по Сабуну уже вернуться в Ларьяк [3, с. 106].

В состав участников, по приглашению музея, вошел и Г.М. Дмитриев-Садовников, который намеревался во время этой поездки продолжать знакомиться с жизнью местных хантов. Большую помощь в организации этого научного предприятия оказывал его тесть, по совместительству попечитель местного училища П.А. Кайдалов. Он помог нанять проводников и устроить поездки на реки Куль-еган и Сабун [7, с. 312]. Помимо Б.Н. Городкова и Г.М. Дмитриева-Садовникова, в состав экспедиции вошел Л.С. Мельников. Планировалось также участие тобольчанина Л.Р. Шульца, отвечающего за топографические работы, но он принять участие не смог. В результате этот вид работ пришлось уменьшить и производить вместо инструментальной съемки маршрутную.

Члены экспедиции прибыли из Тобольска в Ларьяк 27 июня 1913 г., а движение вверх по реке Вах начали 2 июля [7, с. 312]. Благодаря дневнику, который вел Г.М. Дмитриев-Садовников на протяжении всего путешествия [3, с. 105–141], можно реконструировать весь ход этой небольшого, но весьма результативного в научном плане путешествия.

В начале пути экскурсанты обследовали ближайшее к Ларьяку болото и сделали вылазку на небольшой кедровый остров. Срубили и изучили срезы деревьев (ель, кедр). Вырыли несколько шурфов голубиной с аршин (71,12 см), на дне обнаружили следы мерзлоты. В свою очередь это позволило выдвинуть гипотезу о том, что благодаря мерзлоте «лес болотных островов развит менее, чем лес увалов материка. Достигнув вышины в 4–5 печатных сажен (8–10 метров), он как будто сразу останавливается в развитии» [3, с. 107].

По всему маршруту движения собирали образцы почв и растения, проводили фотографирование (у участников имелось 2 фотоаппарата — музейный у Городкова и личный у Дмитриева-Садовникова), делали описание местности, проводили съемку и промеры реки. А при посещении остяцких юрт приобретали для пополнения коллекций музея различные атрибуты хантыйской культуры. В частности, удалось купить у местных обитателей шаманский бубен, шаманскую шапку и рукавицы, деревянный «томар» (музыкальный инструмент) и старинный «томар» с костяным наконечником, остяцкий нож с ножнами, также несколько берестяных изделий.

Стоит отметить, что в своем дневнике Г.М. Дмитриев-Садовников фиксировал и негативные явления, связанные с хозяйственной деятельностью остяков, проживающих в этих местах. Так, он отмечал, что возле юрт Ераскиных: «Ходя по лесу, видели много срубленных в прошлом году огромных кедров. Это остяки, несмотря на то, что инородной управой под страхом 25-ти рублевого штрафа за каждый срубленный кедр запрещено рубить его, рубят для сбора шишек» [3, с. 115].

Неудивительно, что одним из уроков этой экспедиции стали размышления ее участников, по крайней мере Г.М. Дмитриева-Садовникова, над вопросами охраны природы, страдающей от хозяйственной деятельности человека, взять хотя бы те же случаи рубки кедра или техногенного наступления цивилизации. На основе бесед с жителем юрт Ласкина Г.М. Дмитриев-Садовников записал в дневнике следующее: «Ласка сильно жаловался, что рыба не подымается вверх по Ваху. Виною, по его словам, — ходящие в село пароходы: они пугают рыбу». И от себя прибавил: «Катера, работающие нефтью, к тому же еще и отравляют воду» [3, с. 120].

Впрочем, для него подобные размышления оказались не новы. Он и в своих газетных публикациях 1912 г. поднимал подобную тему: «Думаю, что небезынтересны будут цифровые данные о количестве птиц всех родов, добываемых для пропитания населением Ваха. Если считать, что каждый промышленник добывает до 300 штук в год (величина средняя), а всех подобных промышленников наберется 400 душ, выйдет, что 120 тысяч штук, истребляет лишь ваховское население, а сколько истребляют ее на Оби! И после этого спрашивают: куда деваются птицы?» [3, с. 154].

20 июля 1913 г. Городков с командой достигли реки Сабун. Далее по пути следования они проводили съемку реки, описывали ее берега, изучали характер растительности этих мест. Из природных особенностей Сабуна обращало на себя внимание то, что: «...шишек на береговых кедрах мало... Плодоносный кедр здешней местности растет по островам» [3, с. 139]. Отметили путешественники и сельскохозяйственное значение прилегающих к реке территорий: «Низовья Сабуна заполнены сорами, удобными для сенокоса, и на них, когда мы проезжали, там и тут виделись стога сена» [3, с. 141].

26 июля экспедиция завершила свою работу, возвратившись в Ларьяк. За столь небольшое время участники этого научного проекта прошли по воде и пешком около 900 верст [3, с. 105]. Им впервые удалось описать ранее практически неизвестные науке, с естественнонаучной точки зрения, земли. С помощью маршрутной съемки они составили карту местности по маршруту следования. Совместными усилиями, под руководством Б.Н. Городкова, удалось собрать большой гербарий из 1200 листов, около 300 видов высших растений и 114 листов мхов и лишайников. Также сформировали небольшие зоологические коллекции, сделали большое количество фотографий и закупили предметы культуры и быта остяков [7, с. 313].

ВЫВОДЫ. Таким образом, Г.М. Дмитриев-Садовников при поддержке В.Н. Пигнатти своими изысканиями и публикациями в «Ежегоднике Тобольского музея» и «Сибирском листке» в период 1910–1913 гг. выступил подлинным пионером изучения реки Вах. Он своей подвижнической деятельностью привлек внимание академической науки к этим очень интересным, как с географической, так и с этнографической точки зрения, местам. Венцом же изучения региона явилась экспедиция 1913 г., «открывшая» реку Вах с научной точки зрения. Дальнейшие исследования этой части Севера Западной Сибири оказались прерваны Первой мировой войной и событиями «Великой Русской революции» 1917–1922 гг. Они продолжились уже в советское время, увенчавшись успехами в геологическом изучении этих мест и в конце концов открытием здесь «большой» нефти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев-Садовников Г. М. Богатырь реки Сабуна, правого притока реки Ваха // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, 1912. Вып. XX. 1910. С. 1–6. (8-я паг).
2. Дмитриев-Садовников Г. М. Ваховский облас // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, Вып. XXI. 1913. С. 1–10. (6-я паг).
3. Дмитриев-Садовников Г. М. Версты и строки / Ред.-сост. В.К. Белобородов. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1998. 224 р.
4. Дмитриев-Садовников Г. М. На Вахе // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, Вып. XXVI., 1915. С. 1–15. (4-я паг).
5. Дмитриев-Садовников Г. М. С реки Вах Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, Вып. XIX., 1911. С. 1–21. (3-я паг).
6. Н.С. Внутренние известия (д. Борки, г. Тара, г. Сургут) [1906. № 24] // Сибирский листок. 1901–1907 / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). Тюмень: Мандр и К, 2003. С. 412–413
7. Очерки истории Югры / Отв. ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев. Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2000. 408 с.

8. Пирожников Г.А. Записки уездного исправника. Сургут: Северо— Сибирское региональное кн. изд-во, 2002. 104 с.
9. Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты— Мансийск: ИД «Со- крат», 2000.Т.1. С. 144.

REFERENCES

1. Dmitriev-Sadovnikov G. M. *Bogaty`r` reki Sabuna, pravogo pritoka reki Vaxa* [Bogatyr of the Sabuna River, a right tributary of the Vakh River] // *Ezhegodnik Tobol`skogo gubernskogo muzeya. Tobol`sk: Tip-ya Eparxial`nogo Bratstva*, 1912. Vyp. XX. 1910. S. 1-6. (8-ya pag). (In Russian).
2. Dmitriev-Sadovnikov G. M. *Vaxovskij oblas* [Vakhovsky region] // *Ezhegodnik Tobol`skogo gubernskogo muzeya. Tobol`sk: Tip-ya Eparxial`nogo Bratstva*, Vyp. XXI. 1913. S. 1-10. (6-ya pag). (In Russian).
3. Dmitriev-Sadovnikov G. M. *Versty` i stroki* [Milestones and lines] / Red.-sost. V.K. Beloborodov. Ekaterinburg: Sredne-Ural`skoe kn. izd-vo, 1998. 224 s. (In Russian).
4. Dmitriev-Sadovnikov G. M. *Na Vaxe* [On Vaha] // *Ezhegodnik Tobol`skogo gubernskogo muzeya. Tobol`sk: Tip-ya Eparxial`nogo Bratstva*, Vyp. XXVI., 1915. S. 1-15. (4-ya pag). (In Russian).
5. Dmitriev-Sadovnikov G. M. *S reki Vax Surgutskogo uezda* [From the Vakh River in Surgut District] // *Ezhegodnik Tobol`skogo gubernskogo muzeya. Tobol`sk: Tip-ya Eparxial`nogo Bratstva*, Vyp. XIX., 1911. S. 1-21. (3-ya pag). (In Russian).
6. *N.S. Vnutrennie izvestiya (d. Borki, g. Tara, g. Surgut)* [Internal news (Borki village, Tara city, Surgut city)] [1906. № 24] // *Sibirskij listok. 1901-1907* / Sost. V. Beloborodov (pri uchastii Yu. Mandriki). Tyumen`: Mandriki, 2003. S. 412-413. (In Russian).
7. *Ocherki istorii Yugry`* [Essays on the history of Ugra] / Otv. red. D.A. Redin, N.B. Patrikeev. Ekaterinburg: Izd-vo «Volot», 2000. 408 p. (In Russian).
8. Pirozhnikov G.A. *Zapiski uездного исправника* [Notes of the district police officer]. Surgut: Severo— Sibirskoe regional`noe kn. izd-vo, 2002. 104 s. (In Russian).
9. Yugoriya. *E`nciklopediya Xanty`-Mansijskogo avtonomnogo okruga* [Yugoria. Encyclopedia of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. Xanty` — Mansijsk: ID «Sokrat», 2000.Т.1. S. 144. (In Russian).